

Яна Агафонова

Литература для народа и центральная аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX века

Yana Agafonova

Literature for the People and the Central Auditorium for Public Readings
as a State Educational Project in the Second Half of the 19th Century

Яна Агафонова (НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), преподаватель) yagafonova@eu.spb.ru.

Yana Agafonova (Lecturer, National Research University Higher School of Economics [St. Petersburg]) yagafonova@eu.spb.ru.

Ключевые слова: история чтения, литература для народа, чтения для народа, аудитория для чтений, народный дом, публичные чтения

Key words: history of reading, literature for the people, public readings, auditoriums for public readings, People's House

УДК: 82.91

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_78

UDC: 82.91

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_78

В статье рассматривается вопрос о специфике государственного проекта народного просвещения, инициированного Комиссией по устройству народных чтений, состоявшей при Министерстве народного просвещения. Издания воспитательной литературы и план строительства центральной аудитории для чтений позволяют выявить общую систему ценностей, в соответствии с которой требовалось преобразовать тело народного субъекта, а также ранние механизмы косвенного контроля государства за полуграмотной массой людей.

This article discusses the details of a state project of public education initiated by the Commission for the Arrangement of Public Readings, held under the auspices of the Ministry of Public Education. The publication of education literature and plans for the construction of central auditoriums for public reading made it possible to identify a shared value system, in accordance with which it was required to transform the body of the people, as well as early mechanisms of indirect state control over the semi-literate mass of people.

Произведения для народа представляют особый интерес в контексте истории русской литературы второй половины XIX века, поскольку дают понимание о целом пласте текстов, получившем широкое хождение в народной среде. Литература для народа не раз становилась предметом историко-филологического анализа. Наряду с классическим исследованием Джеффри Брукса об интересе народа к коммерческой популярной литературе [Brooks 2003] появились исследования о чтении в сфере образовательных институций [Acta Slavica Estonica 2013]. Есть также работы, посвященные отдельным издательским проектам народных серий [Макеев 2013], публикациям народников для народа [Сафронова 2019], изучению каталогов народных библиотек [Рейтблат 2009], чтению в контексте популярной развлекательной культуры [Зоркая 2010], а также работе государственных подразделений, принимавших участие в подготовке литературы для народа [Макаревич 2017]. В этой статье предлагается обратиться к официальной литературе для публичных народных чтений и рассмотреть издания воспитательных брошюр государственной Комиссии по устройству

народных чтений в контексте сопутствующего изданиям проекта по строительству центральной аудитории для народных чтений в Санкт-Петербурге. Эта перспектива позволит прояснить государственную просветительскую стратегию в отношении народа в дореволюционный период.

Публичные чтения для народа получили широкое распространение в Российской империи с 1870-х годов, когда при Министерстве народного просвещения была открыта Санкт-Петербургская постоянная комиссия по устройству народных чтений, чьи издания распространялись по всем губернским городам империи. С одной стороны, комиссия стремилась разработать специальный, понятный народу язык для трансляции официальных ценностей; с другой стороны, ее деятельность была направлена на противостояние распространению неугодных народнических идей в народной среде. Официально разрабатываемый комиссией проект чтений для народа включал в себя не только издание специальных брошюр с текстом для публичного произнесения, но и подбор специальных иллюстраций: изображений на стекле, которые проектировались на экран с помощью специальной технологии — волшебного фонаря — и таким образом представляли визуальное сопровождение тексту. Вокруг чтений для народа образовывалась большая социальная инфраструктура: корпорации чтецов, мастерские по изготовлению слайдов для иллюстрирования чтений; формировался определенный юридический регламент проведения народных чтений, а также строились специальные аудитории. История и инфраструктура Комиссии по устройству народных чтений остается малоисследованной темой в контексте изучения истории чтения в России.

Говоря о народных чтениях, состоявших в ведении Министерства народного просвещения, необходимо сделать оговорку о понятийной специфике, которая возникает в связи с народными чтениями как просветительским проектом. Прежде всего, понятие «чтения» в рассматриваемом социально-историческом контексте приобретает довольно условный характер. Посетители чтений, конечно, не являлись в прямом смысле читателями, они были зрителями, слушателями, хотя и могли взять брошюры комиссии в библиотеках губернских городов Российской империи для личного чтения. Публичное чтение делегировалось одному грамотному доверенному человеку, а для неграмотных людей возможность приобщиться к такому чтению на городском мероприятии стала новым дешевым досугом, формой полезного и массового развлечения.

Другое замечание состоит в том, что просветительские идеи этого периода имеют мало общего с идеями эпохи Просвещения XVIII века, когда кантианская философия видела процветание человека в личном, естественном совершенствовании его нравственных и природных качеств. У Гегеля понятие «просвещение» тесно связывалось с понятием «культура», которое, с одной стороны, предполагало воспитание субъективного духа (*Aufklärung*), с другой стороны — укрепление объективного духа (*Kultur*), который распространяется на гражданское общество, право и государство [Асоян, Малафеев 2000: 59]. Однако если в немецкой философской традиции *Kultur* стало характеризовать буржуазное общество, то в противовес этому аристократия стала ассоциироваться с французским *civilization* [Волков 1996: 195], которое подразумевало историческую перспективу на общество [Асоян, Малафеев 2000: 52]. В русском философском контексте, в среде славянофилов возникла потребность провести иное противопоставление: между культурой образованного общества и культурой народа; позднее, в 1880-е годы, этот разрыв стал осознаваться как обязательное

преодоление через передачу культурных ценностей «сверху вниз». Российский историк П.Н. Милоков в «Очерках по истории русской культуры» (1892—1895) рассуждал о культуре просвещения именно в миссионерском смысле (см.: [Волков 1996: 195]). Этот процесс «вертикальной» передачи культурных ценностей в результате редуцировался до приемлемых моделей поведения и, как представляется, лежал в основе государственного просветительского проекта.

Литература для народных чтений

Издательская деятельность Комиссии по устройству народных чтений предполагала подготовку просветительских брошюр на самые разные темы: от сказок до научно-популярной литературы об истории книгопечатания. Художественные произведения составляли значительную часть всех изданий комиссии. При подготовке художественных текстов издатели уделяли особое внимание литературным адаптациям, которые, по мнению государственных просветителей, должны были войти в народный литературный канон. Так, наибольшее количество переизданий выдерживали адаптации В. Шекспира, А. Пушкина и А. Кольцова [Агафонова 2019]. Среди художественных произведений, наряду с адаптациями комиссии, возникла и условно оригинальная литература, цель которой состояла в нравственном воспитании народа и представлении официально одобряемых моделей поведения для разрешения экономических, социальных и прочих конфликтов в народе.

Нравоучительные, или воспитательные, тексты комиссии идеологически отличались от коммерческих изданий похожего формата, ориентированных на ту же аудиторию, о чем подробно пишет Д. Брукс [Brooks 2003]. Если коммерческие издатели типа В.Н. Маракуева и П.Н. Шарапова, а также популярные книгопродавцы распространяли истории о чудесном обогащении пострадавшего от войны и нищеты крестьянина, то для государственных издателей было важнее представить лояльного текущему режиму субъекта, который бы стойко выносил тяготы бедности, не жалуясь на жизнь и проявляя при этом силу духа и искреннюю любовь к людям, что, как правило, в конце вознаграждалось.

Среди таких воспитательных чтений комиссии можно выделить три ключевых тематических блока. Центральными темами в этих изданиях становятся тема трезвости, тема гигиены и физического здоровья, а также тема любви к ближнему, за которой стоят как политические, так и экономические мотивировки. Именно эти темы сформировали официальный нравоучительный дискурс, ставший в результате влиятельным инструментом «мягкого» государственного контроля и формирования народного читателя.

Борьба за трезвость представляла не только центральную тему литературы для народа, но и в целом обозначила глобальное социальное движение XIX века, в котором участвовало большинство стран западного мира. Основная же деятельность обществ трезвости стала разворачиваться с 1894 года с введением государственной винной монополии и так называемых попечительств о народной трезвости¹. Частная инициатива сыграла важнейшую роль в исто-

1 Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Попечительства о народной трезвости // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Ред. И.Е. Андреевский. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1898. Т. 24а. С. 547—548.

рии этого движения. Однако в преддверии развития практик урегулирования благотворительных обществ просветительскую инициативу частично брало на себя государство, для которого наибольшее значение играла скорее манифестация борьбы с пьянством, чем достижение реальных результатов [Herlihy 2002: 35]. Борьба с пьянством была провозглашена градоначальником Санкт-Петербурга и первым председателем комиссии Ф.Ф. Треповым² как главная задача в деле по организации народных чтений.

Борьбе с пьянством посвящено множество изданий комиссии. Среди ее красноречивых воспитательных текстов о трезвости можно назвать рассказ А. Клавина «На помощь ближнему» (ил.). Сюжет этой истории повествует о встрече в чайной недавно излечившегося от пьянства приказчика и потомственного дворянина Ползикова, который пропил все деньги и был брошен семьей. Приказчик помогает Ползикову вернуть жизнь в прежнее русло, советует записаться в общество трезвости и устраивает его к знакомому писателю секретарем. Следуя советам приказчика, Ползиков восстанавливает свое экономическое положение и доброе имя.

Ил. Обложка брошюры с рассказом А. Клавина «На помощь ближнему». 1890-е

Стилистической особенностью подобных текстов для народа является повышенная эмоциональность: герои чтений о трезвости все время плачут, при этом слезы становятся подчеркнуто положительной психологической разрядкой. Ползиков в рассказе Клавина невероятно счастлив своему излечению от пьянства и плачет, испытывая бескрайнюю благодарность за помощь. Приказчик дает ему выхлопаться, мотивируя это тем, что «слезы облегчают». Наконец, литератор приводит к Ползикову жену и сына, те кидаются друг к другу в объятия. Финал подобных историй тоже, как правило, имеет усиленно эмоциональный и ценностно однозначный характер.

Чтения комиссии, где трезвость становится важной темой, стремились изобразить быт героя, отказывающегося от алкоголя, в максимально привлекательном свете. Так, например, история про «Гордея лесовика» рассказывает о судьбе Гордея Гроздина,

отставного унтер-офицера кавказской армии, который возвращается на родину, чтобы стать надсмотрщиком за лесами. Гордей — герой, достойный подражания, настоящий богатырь, который сам отстраивает себе дом и ведет образ жизни убежденного трезвенника. Вместо алкоголя Гордей, как и любой другой

2 Хруцов И.П. Об издательской деятельности Постоянной комиссии народных чтений и учрежденного при ней Общества за пятнадцать лет (1881—1896). СПб.: [Б.и.], 1901.

положительный герой чтений, пьет исключительно чай. Несмотря на то что китайский чай стоил достаточно дорого, комиссия пыталась представить его как народный напиток, публикуя помимо художественных историй научно-популярные чтения о пользе и доступности чая, точнее — суррогатных чайных напитков. Само движение обществ трезвости возникло скорее как гражданская инициатива «снизу» при поддержке духовенства в контексте борьбы с откупщиками [Гусев 2010], но была перехвачена государственными просветителями и превращена в один из тезисов проекта по народному просвещению.

Другой широко обсуждаемой проблемой в контексте воспитательных народных чтений была тема гигиены и физического здоровья. Как правило, медицинские рекомендации научно-популярных брошюр были связаны с продвижением трезвости и демонстрацией внутренних органов алкоголиков. Кроме того, обсуждались симптомы и меры профилактики таких болезней, как оспа и холера, а также общие гигиенические практики, направленные на содержание тела в чистоте. Популяризация гигиены в воспитательных чтениях комиссии облекалась в художественное повествование, однако оно не сопровождалось осуждением «грязного» крестьянина, а скорее стремилось вызвать к нему жалость и сочувствие. Так, например, в рассказе «Пожарный» Мирон Михеев, почти нищий крестьянин, которого все время кусают блохи, оказывается способен на подвиг: он спасает из пожара своего недруга, который его когда-то обокрал, но при этом погибает в пожаре сам. Именно сочувствие героев рассказа и слушателей чтения к Мирону должно было восстановить справедливость: он был грязен и беден, но делился заработком с другими; его обокрали, а он простил обидчика; он умер, но оставил о себе добрую память.

Серьезную медицинскую проблему в дореволюционной России представляла оспенная болезнь, которая оказывала значительное влияние на смертность населения. Несмотря на то что безопасные методы вакцинации уже существовали, прививание в России наталкивалось на сопротивление со стороны крестьян. Комиссия стремилась поменять эмоциональное отношение народа к этой проблеме посредством народных чтений, и под видом художественного текста давала инструкцию ухода за больным оспой. Так, в брошюре «Чистые сердца» рассказывается о жене зажиточного крестьянина, которая потеряла ребенка. Она слушает рассказ местного нищего попа о том, как его маленький сын заболел оспой и как его чудом удалось спасти благодаря захавшей в село фельдшерице, которая объяснила, как за ним ухаживать. В конце выясняется, что зажиточные крестьяне тоже потеряли ребенка из-за оспы, поскольку не знали, как обращаться с больным. В результате они открыли у себя дома школу, сожалея о своем незнании. Финал этой истории оформлен как трагическое прозрение и призван не только дать надежду народу на излечимость болезни, но и утвердить авторитет образования.

Наконец, одной из самых устойчивых тем воспитательных чтений для народа оказывается фундаментальный христианский принцип любви к ближнему, который в контексте светских воспитательных сюжетов был призван урегулировать отношения между крестьянами и предложить им приемлемые для государства модели решения конфликтов. Например, в популярном чтении А.П. Сетковой «Братья» два крестьянина, Федор и Андрей, ссорятся из-за наследства, и оба несчастны и чувствуют себя обделенными. Однако когда случилось несчастье и жену Андрея, запертую в сарае, снесло в половодье в Волгу, Федор забыл обиды и пришел на помощь брату. В процессе «спасательной опе-

рации» братья помирились и перетащили дом Андрея на безопасное место, в результате чего наладилась жизнь их обоих. Случайное обогащение не приносит героям счастья, и только восстановление добрых семейных отношений приводит к экономической стабильности обоих.

Причиной враждебных отношений между людьми могла стать бытовая ревность. В народном чтении «Лучшая месть» рассказывается о двух влюбленных, Акулине и Никите, которые не могут быть вместе, потому что родители девушки выдают ее за зажиточного Захара. Никита очень ревнует и хочет убить Захара, желая отомстить, однако он смиряет свою ревность и решает помочь Захару в тот момент, когда в лесу на него нападает медведь. Тогда Захар вдруг проникается чувством дружбы к Никите, отступает от девушки и становится дружкой на их свадьбе. Так или иначе, все чтения комиссии стремились воспитать идею взаимопомощи в народе, пытаясь таким образом утвердить ощущение экономической защищенности и снизить уровень социальной напряженности.

Тема любви к ближнему имела под собой не только экономические мотивы: она также предполагала любовь к государству и букве закона, то есть лояльность политическую. Похожие задачи социального и экономического регулирования стояли и перед коммерческими издателями книг с бытовыми советами [Kelly 2001: 156—229], что было взято на вооружение и государственной пропагандой. Необходимость развивать правосознание народа входила в официальную просветительскую программу в дореволюционные годы [Тисье 2017]. Так, например, в трижды переиздававшемся чтении «Извозчик Клим» предстает история сироты Клина, который после смерти опекуна, оставшись без денег, переезжает в Петербург, пытается устроиться извозчиком и переживает тяжелые времена, но терпит и не жалуется на судьбу. Вдруг Клим находит набитый деньгами бумажник, однако он не берет эти деньги себе, а переживает за барона, который эти деньги потерял, объявляет о находке в полицию и получает полагающуюся за находку награду. Комиссия таким образом пытается использовать христианскую идею как мотивацию для соблюдения юридических предписаний.

Урегулированный единый быт народа, чистота и трезвость — это ключевые темы воспитательных произведений, предлагаемых Комиссией по устройству народных чтений. Представляется, что эти темы приобрели системный характер в просветительском проекте комиссии и не только легли в основу языка чтений, но и отразились в официальном проекте по строительству центральной аудитории для народных чтений.

Аудитория для народных чтений

Строительство аудиторий для народных чтений, как и народных домов, являлось общеевропейской практикой, начавшей свое широкое распространение во второй половине XIX века. В столице Российской империи первые народные дома появились в самом начале XX века как результат развития частных и государственных просветительских программ. Широко известными стали народный дом Николая II (1901), народный дом Э.Л. Нобеля (1901), Лиговский народный дом графини Паниной (1903). Народным домам предшествовало обустройство и строительство специальных аудиторий для народных чтений, которые встраивались, как правило, в уже существующие здания и требовали

меньших затрат. Одной из первых и самых популярных была аудитория в Соляном городке, где с 1871 года чтения для народа устраивал Педагогический музей военно-учебных заведений³. Годом позже была учреждена Постоянная комиссия по устройству народных чтений, которая должна была взять на себя разработку чтений для низших городских сословий, тогда как Педагогический музей стал в большей степени специализироваться на чтениях для солдат и научных публичных лекциях. Комиссия поначалу устраивала народные чтения в зале городской думы, однако, по заявлению председателя И.П. Хрущева, этого помещения очень скоро стало не хватать, и в результате переговоров с городским головой И.И. Толстым было решено разработать проект центральной аудитории для народных чтений в Санкт-Петербурге⁴.

Принципы общежития

Идея строительства специального здания для воспитания и просвещения народа приобрела общеевропейскую популярность вместе с романом Уолтера Безанта «Все виды и состояния мужчин» («All Sorts and Conditions of Men»), который был опубликован в 1882 году. Сюжет этого романа отталкивается от идеи строительства народного дворца и всестороннего просвещения бедного населения Лондона. Безант не только написал роман, но и лично принимал участие в реализации описанного им проекта. Дворец был возведен в восточной части Лондона уже в 1886 году. В России роман был хорошо известен в среде педагогов и просветителей. Именно на этот текст ссылается член Комиссии по устройству народных чтений в Нижнем Новгороде В. Неклепаев, составляя отчет об устройстве зарубежных народных домов. О Лондонском народном дворце российский чиновник пишет следующее:

Народный дворец единовременно преследует три цели помощи народу. Цели эти, во-первых, доставление народу разнообразных здоровых и дешевых развлечений, которые развивали бы в народе чувство изящного, вырабатывали бы вкус к прекрасному и создавали бы у народа новые потребности к развлечению. Вторая цель дворца состоит в содействии народному образованию, разумея его во всех видах, а не одну грамотность. Наконец, третья цель дворца для народа заключается, так сказать, в соединении первых двух — в развитии у массы бедного люда чувства общительности, чувства, мало ему знакомого и мало доступного одинаково как по бедности, так и невежеству, а между тем крайне важного для правильного общежития и даже успешного умственного развития⁵.

Последняя цель, направленная на воспитание принципов правильного общежития, представляла особое значение в российском государственном просветительском проекте, поскольку была направлена на развитие народного пра-

-
- 3 Барсков Я.Л. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864—1914: Исторический очерк / Под ред. Я.Л. Барскова. СПб.: Тип. Сириус, 1914.
 - 4 О постройке аудиторий для народных чтений // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 750. Д. 8. Ед. хр. 7. Л. 1.
 - 5 Неклепаев В. Народные дома за границей. Доклад Комиссии по устройству народных чтений и развлечений при Обществе распространения начального образования. Н. Новгород: — [Б.и.], 1903. С. 6.

восознания и урегулирование отношений в среде городской бедноты. В связи с этим размещение аудитории в центре столицы становилось важнейшим пунктом в обсуждениях комиссии по поводу разрабатываемого архитектурного проекта⁶. Опыт проведения публичных чтений в других городах внутри страны давал примеры того, что из-за неудачного расположения публичные чтения оказывались не востребованы у народа, и все затраты на такой дорогостоящий проект не оправдывались. Исследователь народного чтения, публицист и историк А.С. Пругавин приводит в пример проект по устройству народной читальни в Ярославле в 1888 году. Читальня закрылась, поскольку была удалена от места, где проводили время рабочие, кроме того «простой рабочий люд обыкновенно боится богато убранных палат, входит в них робко и, находясь в них, чувствует себя неловко»⁷. Комиссия учитывала этот опыт, стремясь не только найти место для аудитории в центре города, но и позаботиться о недорогой и функциональной организации внутреннего пространства.

Для разработки архитектурного проекта центральной читальни в Санкт-Петербурге комиссия обратилась к архитектору С.А. Поленову (1850—1902), который имел уже опыт строительства социальных объектов, как, например, приют для девочек арестованных родителей и женщин, которые не имели жилья после окончания заключения⁸. Сначала Поленову заказали исследование и оценку пригодности Московского исторического музея для народных чтений. Музей рассматривался как один из прототипов для постройки аудитории в Петербурге, поскольку там уже успешно функционировала аудитория для публичных лекций, ориентированная на более состоятельных слушателей. В своем отчете Поленов фиксировал ключевые моменты организации пространства, как, например, духовое отопление калориферами, приспособленность помещения к вентиляции, наличие вытяжных отверстий в карнизе стены у кафедры, устройство сцены в форме усеченного конуса с полукупольным потолком, приспособленность задней стены для демонстрации проекционных слайдов к публичным лекциям. Однако в итоге архитектор нашел устройство амфитеатра московской аудитории неподходящим для проекта комиссии:

Устройство же амфитеатра неудачно, так как проходы узки, подъем крут и т.д. Аудитория эта предназначается для публики состоятельной, и места всегда платные, по довольно высокой цене, от 50 коп. и до 5 руб., так что недостаточный класс слушателей для администрации музея не желателен ввиду могущей быть порчи помещения, мебели, лестниц и т.п.⁹

Комиссия ориентировалась на круг посетителей с низким достатком и низким уровнем образования, а потому требовалось удешевление здания и упрощение его конструкции. Из критики Поленова ясно, что узкие проходы не подходят для неграмотной публики, которая не обучена соблюдать правила безопасности.

В результате Поленов разработал проект аудитории, под крышей которой должно было разместиться не менее тысячи человек, что было весьма амби-

6 О постройке аудиторий для народных чтений // РГИА. Ф. 750. Д. 8. Ед. хр. 7. Л. 2.

7 Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М.: Русская мысль, 1890. С. 69.

8 Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. Справочник / Ред. Б.М. Кириков. СПб.: Пилигрим, 1996. С. 248.

9 О постройке аудиторий для народных чтений // РГИА. Ф. 750. Д. 8. Ед. хр. 7. Л. 3.

циозно, поскольку в 1890-е годы таких больших аудиторий для чтений еще не существовало. С другой стороны, оформление фасада планировалось выполнить в типичном для европейской архитектуры этого периода неоклассическом стиле, что внешне никак не должно было выделять здание на фоне столичной застройки [Пунин 2014: 526]. Финальный вариант аудитории представлял собой одноэтажный павильон для длинного зала с большими окнами, антовым портиком, широким фронтоном, украшенным каноническими для классической архитектуры акротериями: с вазами по бокам и скульптурной группой сверху¹⁰. Отсылки к классицистическому стилю, вероятно, должны были связать обитель народного просвещения с авторитетом культурного наследия просвещенного абсолютизма, а значит — с авторитетом монаршей власти; кроме того, государство таким образом манифестировало свою вовлеченность в общеевропейский образовательный процесс.

Расположение аудитории в центре города являлось неременным условием для того, чтобы облегчить доступ народным массам к новому развлечению и создать пространство объединения и одновременно организации толпы малоимущих горожан. Упрощение и удешевление интерьера, отказ от амфитеатра и сложных архитектурных элементов позволяли сделать аудиторию безопасной и удобной для проведения народных чтений. Центральная аудитория, таким образом, должна была стать своеобразным инструментом управления народной массой и продвигать вслед за идеями Безанта способы кооперации и принципы общежития, которые под эмблемой любви к ближнему дополнительно формулировались в воспитательной литературе Комиссии по устройству народных чтений.

Чистота и гигиена

Опасения архитектора Поленова по поводу порчи государственной аудитории народом в большой степени отражают страх, вызванный высоким уровнем социального неравенства. Характер народной публики помогает прояснить одно воспоминание А.С. Пругавина, описывающего свои впечатления от посещения народной аудитории для публичных чтений в Политехническом музее, перед дверью которого образовалась стихийная давка:

Это был настоящий рабочий люд: мастеровые, ремесленники, фабричные, словом «чернь» в полном смысле этого слова. В этом убеждали вас и костюмы — поддевки, полубубки, чуйки — и лица и руки со следами сажи и копоти. Огромное большинство публики состояло из подростков и молодых ребят в возрасте от 14 до 20 лет. Разговорившись с некоторыми из этих подростков, я узнал, что они служат «в ученьи» мальчишками и подмастерьями в слесарных и портновских «заведениях». Были, разумеется, и люди возмужалые, и старики, но они составляли меньшинство, женщины в общей массе составляли сравнительно ничтожный процент. Не только интеллигенция, но и вообще так называемая чистая публика совершенно отсутствовала¹¹.

10 Проект народной аудитории на 1000 человек. Изображение фасада // РГИА. Ф. 750. Д. 8. Л. 25.

11 Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. С. 56.

Проблема чистоты и гигиены стала одной из важнейших в журнальных дискуссиях второй половины XIX века благодаря развитию земской медицины, при этом поддержание общественного здоровья понималось чиновниками и образованным сословием преимущественно как борьба с дурным запахом [Пироговская 2018: 108]. В связи с этим понятно, почему для Поленова было так важно учесть приспособленность помещения к вентиляции. Проблема физического здоровья народа также стала частью обсуждений проекта по строительству аудитории для народных чтений. В частности, в протоколе совещания комиссии за 5 октября 1890 года говорится, что аудитория должна иметь потенциал многофункционального использования: «Помещение зала могло бы, конечно, служить и другим целям города, как то: гимнастическим упражнениям и проч.» — пишет И.П. Хрущов¹².

В процессе поиска помещения для читальни С.А. Поленов столкнулся с необходимостью примирить аудиторию для чтений и гимнастический зал на практике. Летом 1891 года директор Санкт-Петербургской 1-й гимназии А.М. Груздев предложил архитектору рассмотреть двор гимназии как потенциальное место строительства аудитории. При гимназии требовалось иметь гимнастический зал, поскольку гимнастика по уставу являлась обязательным предметом. Таким образом, предлагая место для народной аудитории, директор как бы решал проблему отсутствия специального помещения. С точки зрения внутренней организации пространства трансформация аудитории в зал для физических упражнений не представляла труда. Аудитория для чтений мыслилась не как амфитеатр, а как длинный, прямоугольный, одноуровневый зал с двумя секциями скамеек, которые выставлялись стройными рядами напротив экрана и могли быть легко убраны, если требовалось расчистить пространство. Осмотрев двор гимназии, Поленов заключил, что его длины будет недостаточно, а в ширину здание закроет окна лазарета гимназии, поэтому от предложения отказались. Тем не менее схемы планов аудитории для чтений¹³ интересны тем, что демонстрируют строгость внутренней организации пространства: геометрично выстроенные отряды слушателей должны были воспринять почти армейскую телесность, телесность полезной муштры [Фуко 1999: 218—219], чуждую народной толпе. Примечательно, что именно длинный зал, позволявший строго и рационально распределить большое количество людей, стал местом развития массового городского развлечения — раннего кинематографа [Цивьян 1991: 22].

В качестве потенциального места для проведения публичных чтений для народа комиссия рассматривала еще два городских пространства: сквер Казанского собора и двор Министерства народного просвещения. Поленов даже разработал планы таких аудиторий. Однако оба проекта не состоялись. Территорию сквера пришлось бы делить с частными арендаторами. Еще в июле 1890 года часть сквера была передана фотографам Левицким под фотографический павильон. По договору Левицкие в праве были не допускать постройки на территории сквера, которые затемняли бы свет, падающий на их строение. Двор Министерства народного просвещения рассматривался потому, что Министерству требовался архив, а аудитория могла бы удовлетворить эту потреб-

12 О постройке аудиторий для народных чтений // РГИА. Ф. 750. Д. 8. Ед. хр. 7. Л. 1.

13 Генеральный план к проекту зала для Народных чтений по Звенигородской улице № 8 в С.П.Б. Подпись — Архитектор С. Поленов, 30 июля 1891 // РГИА. Ф. 750. Д. 8. Л. 19.

ность. Осмотрев территорию двора в феврале 1892 года вместе с архитектором Г. Берингардом, Поленов пришел к заключению, что свободного на дворе места для аудитории нет. Можно было бы снести один из флигелей, который мешал строительству, но тогда пришлось бы возводить его снова, что требовало существенных дополнительных затрат¹⁴. Последнее письмо Поленова председателю комиссии датировано 7 января 1893 года, архитектор сообщает, что спустя долгое время поиски места для устройства аудитории увенчались успехом:

В настоящее время я нашел продающееся пустопорожнее место по набережной реки Фонтанки, между Семеновским и Обуховским мостами под № 104 и 108, против Горсткиной улицы, а следовательно, и вблизи от Сенной площади. Так как я осматривал в течение почти двух лет очень много мест для этой цели, то позволяю себе сказать, что более подходящего для наших нужд, как это место, в центре города найти нельзя¹⁵.

Никаких свидетельств того, что аудитория для народных чтений по проекту С. Поленова была построена, найти не удалось. Однако важно, что план строительства центральной аудитории складывался в период роста популярности народных чтений в городах. Потребность централизовать и контролировать народные чтения возникла в связи с ростом числа маленьких читален, которые этот контроль существенно затрудняли. А.С. Пругавин, рассматривая опыт Московской комиссии по народным чтениям, пишет, что чтения могли подразделяться на официальные и неофициальные¹⁶. В 1880-е годы официальные народные чтения в Москве происходили в Политехническом музее, в Межевом институте, в Александро-Мариинском училище, в Смоленской столовой имени Я.И. Белова (на Смоленском рынке), в чайном магазине Перлова, в мастерских московско-рязанской железной дороги (близ Рязанского вокзала). Неофициальные публичные чтения, как правило, проводились для очень конкретной аудитории слушателей: в казармах — для военных нижних чинов, в больницах — для больных и выздоравливающих, в тюрьмах — для заключенных, на фабриках и заводах — для рабочих и т.д. В период 1887—1888 годов Московская комиссия имела по крайней мере 31 неофициальную читальню¹⁷. Небольшие читальни, встроенные в другие социальные институты, не позволяли создать обособленную форму народного досуга, которая должна была по-своему дисциплинировать городскую толпу, привить ей привычку к порядку и чистоте, что в дополнение регулярно проговаривалось в воспитательных чтениях комиссии на тему здоровья.

Чтение и трезвость

Как уже упоминалось, комиссия вела борьбу за трезвость, что настойчиво сопровождалась популяризацией чая в нравоучительных сюжетах. Однако чаепитие стало не только предметом художественного мира воспитательной литера-

14 О постройке аудиторий для народных чтений // РГИА. Ф. 750. Д. 8. Ед. хр. 7. Л. 8.

15 Там же. Л. 9.

16 Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. С. 54.

17 Там же. С. 61.

туры комиссии — оно воплощалось в научно-популярном дискурсе и реальных практиках, неразрывно связывающих чай с народом и народными чтениями.

В XIX веке чай был достаточно дорогим напитком и во многих западноевропейских странах считался роскошью, поэтому его популяризация представляла собой нетривиальную задачу. Научно-популярное чтение о чае, составленное инженером-технологом и преподавателем первого петербургского реального училища Е.Ф. Рейнботом, отчасти проясняет обстоятельства распространения чая в народной среде. Автор брошюры настаивал на доступности чая для бедного населения:

Стоит только посмотреть на поистине громадное потребление чая не только у нас в России, но и по другим странам, стоит только посмотреть, как его пьют все без различия, и богатые, и бедные люди¹⁸.

Утверждение о широкой доступности чая сопровождается перечислением различных сортов этого напитка: от дорогого «черного» и «желтого» китайского чая до дешевого «копорского», который изготавливался из травянистого растения иван-чая, распространенного в северных широтах. В ряд сортов чая Рейнбот также ставит чай, сделанный из повторно высушенных чайных «опитков», проводя таким образом мысль, что дешевый чай, несмотря на невысокие вкусовые качества, позволяет народу приобщиться к чайной культуре.

Чай в просветительской программе комиссии должен был стать не только доступным напитком, но и эквивалентной заменой алкоголю. Поэтому в издании Рейнбота чай предлагается как возбуждающий напиток вроде водки, но не несущий разрушительных для здоровья последствий, что, очевидно, должно было привлечь внимание слушателей. С другой стороны, разговор о чае проводился в контексте воспитания вкуса и здоровых привычек у народа. В народном чтении указывается на важность вкуса при выборе пищи, в том буквальном смысле, что пища должна быть вкусной, а не дрянной: «Важно, что чай пришелся по нашему вкусу. Хороший вкус не последнее дело при выборе пищи»¹⁹, — пишет автор.

В среде дешевых книжных изданий существовал и противоположный дискурс — о вреде чая, о том, что он вызывает и усиливает болезни, снижает аппетит, портит зубы и зрение. Однако вне зависимости от того, какая оценка давалась напитку, его свойства прочно связывались с практикой чтения. В одной из таких брошюр о вреде чая, изданной в частной типографии в Вильне, целая глава посвящена пагубному влиянию чая на литературное производство и чтение:

Особенный род болтливости, порождаемой чаем, составляет болтовня литературная. Серьезные мыслители тревожно смотрят на безмерное наводнение литератур цивилизованных народов легкими произведениями, известными под именем «беллетристика». <...> Все эти порождения суть та же «болтовня за чаем», только переписанная на бумагу и напечатанная, и обязана своим появлением только тому, что производители ее ежедневно возбуждали свое воображение и язык наркотическим питьем²⁰.

18 *Рейнбот Е.Ф.* Чай: откуда он идет к нам и чем полезен // Соч. Рейнбота. СПб.: Постоянная комиссия народных чтений, 1873. С. 25.

19 Там же. С. 27.

20 *Владимиров А.* Чай и вред его для телесного здоровья, умственный, нравственный и экономический. Вильна: Тип. Блюмовича, 1874. С. 13—15.

В связи с развитием железных дорог во второй половине XIX века и отладкой доставки китайского чая в столицу через Одесский порт [Дацышен 2012] повсеместно открывались чайные — все это способствовало популяризации чая в народной среде. На фоне развития чайной инфраструктуры просветительские стратегии предполагали, что народные дома и аудитории для чтений могли трансформировать пространство зала под чайную, где народ размещался с чаем и газетой. Известно, что главная столичная Комиссия по устройству народных чтений тесно сотрудничала с Попечительством о народной трезвости, и, в частности, предписывала, «чтобы чайные были устраиваемы в достаточно обширных и светлых помещениях, чтобы на каждую чайную получалось не менее одной ежедневной газеты и одного иллюстрированного журнала»²¹. Таким образом, народные чтения и чаепитие соединялись в единую практику. Сложно сказать, как часто осуществлялось превращение аудитории для чтений в чайную, существующие фотосвидетельства имеют скорее показательный характер. В частности, сохранилась фотография чайной Лукьяновского народного дома в Киеве, на которой крестьяне читают и пьют чай²². Тем не менее тесная связь чтения и чаепития должна была по-своему воздействовать на посетителей народных чтений, способствуя борьбе за трезвость и народному просвещению. Очевидно, что аудитория для народных чтений мыслилась как многофункциональное пространство, и любая из этих функций была направлена на телесное преобразование народной толпы и превращение ее в единство организованных, чистых и трезвых людей, лояльных монаршей власти.

Однако стоит отметить, что существует принципиальная разница между устройством народных домов, пришедшим на смену аудиториям, в России и западной Европе. Если в России пространство внешкольного народного образования создавалось исключительно для народа, то в западной практике народные дома и аудитории предполагали возможность более широкого взаимодействия людей с разным уровнем достатка. В частности, при немецких народных домах создавались общежития как для более обеспеченного класса, так и для бедных людей [Lindenmeut 2012]. Если российский проект народного просвещения продвигал идею любви к ближнему для объединения народа и выработки принципов общежития, то английские и немецкие народные дома использовали ту же идею как инструмент примирения бедных слоев общества со своим социальным положением в контексте межклассового общения. Таким образом, народный дом в западной Европе давал рычаги противодействия социалистическим идеям в народной среде²³. И наоборот, в дореволюционной России замкнутость народа на себе и социальная изолированность и маргинализация оказывали влияние на рост политического напряжения и революционных настроений.

Просветительский проект Комиссии по устройству народных чтений, таким образом, не ограничивался воспитанием народа посредством «правильной» литературы, а мыслился как комплексное физическое преобразование народной толпы. Комиссия не просто разработала специальный художествен-

21 Народные чтения // Центральный государственный исторический архив. Ф. 218. Оп. 1. Д. 427.

22 См. Лукьяновский народный дом общества народной трезвости в Киеве // ЦГАКФФД. Фотография ателье К. Буллы. 1913.

23 Там же. Р. 28.

ный мир для преобразования народа, но и стремилась распространить принципы и ценности этого мира на реальную городскую среду, заложив таким образом основы непрямого государственного контроля над народом.

Библиография / References

- [Агафонова 2019] — *Агафонова Я.Я.* Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 159. С. 77—93.
- (*Agafonova Ia.* Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 159. P. 77—93.)
- [Асоян, Малафеев 2000] — *Асоян Ю., Малафеев А.* Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков. М.: ОГИ, 2000.
- (*Asojan Ju., Malafeev A.* Otkrytie idei kul'tury. Opyt russkoy kul'turologii sereдины XIX i nachala XX vekov. Moscow, 2000.)
- [Волков 1996] — *Волков В.В.* Концепция культуры, 1935—1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 194—213.
- (*Volkov V.V.* Kontseptsiya kul'turnosti, 1935—1938 gody: sovetetskaya tsivilizatsiya i povsednevnost' stalinskogo vremeni // Sotsiologicheskii Zhurnal. 1996. № 1—2. P. 194—213.)
- [Гусев 2010] — *Гусев Г.В.* Общества трезвости как учреждения внешкольного дополнительного образования (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. № 1 (16). С. 63—76.
- (*Gusev G.V.* Obshchestva trezvosti kak uchrezhdeniya vneshkol'nogo dopolnitel'nogo obrazovaniya (konets XIX — nachalo XX v.) // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 2010. № 1 (16). P. 63—76.)
- [Дацышен 2012] — *Дацышен В.Г.* Одесское направление китайской чайной торговли (XIX — нач. XX вв.) // Китаезнавчі дослідження. Збірка наукових праць. Київ: Інститут сходознавства НАН України, 2012. Т. 2. С. 45—55.
- (*Dacyshen V.G.* Odesskoe napravlenie kitayskoy chaynoy torgovli (XIX — nach. XX vv.) // Kitaeznavchi doslidzhennya. Zbirka naukovikh prats'. Kiev, 2012. Vol. 2. P. 45—55.)
- [Зоркая 2010] — *Зоркая Н.М.* Кино. Театр. Литература. Опыт системного анализа. М.: Аграф, 2010.
- (*Zorkaja N.M.* Kino. Teatr. Literatura. Opyt sistemnogo analiza. M.: Agraf, 2010.)
- [Макаревич 2017] — *Макаревич О.В.* «В самом благонамеренном духе...»: литература «для народа» в оценке Н.С. Лескова // Чины и музы: сборник статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 505—521.
- (*Makarevich O.V.* "V samom blagonamerennom dukhe...": literatura "dlya naroda" v otsenke N.S. Leskova // Chiny i muzy: sbornik statey. Saint Petersburg; Tver, 2017. P. 505—521.)
- [Макеев 2013] — *Макеев М.С.* Литература для народа: протекция против спекуляции (К истории некрасовских «Красных книжек») // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. С. 130—147.
- (*Makeev M.S.* Literatura dlya naroda: protektsiya protiv spekulyatsii (K istorii nekrasovskikh "Krasnyh knizhek") // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 124. P. 130—147.)
- [Пироговская 2018] — *Пироговская М.М.* Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
- (*Pirogovskaja M.M.* Miazmy, simptomy, uliki: zapakhi mezhdu meditsinoy i moral'yu v russkoy kul'ture vtoroy poloviny XIX veka. Saint Petersburg, 2018.)
- [Пунин 2014] — *Пунин А.Л.* Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века: В 3 т. Т. 2. Петербург 1860—1890-х гг. СПб.: Круга, 2014.
- (*Punin A.L.* Arhitektura Peterburga sereдины i vtoroy poloviny XIX veka: In 3 vols. Vol. 2. Peterburg 1860—1890-h gg. Saint Petersburg, 2014.)
- [Рейтблат 2009] — *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

- (*Rejtlat A.I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury. Moscow, 2009.*)
- [Сафронова 2019] — *Сафронова Ю.* Нелегальная литература для народа: читатель вообразимый и реальный // Новое литературное обозрение. 2019. № 156. С. 77—93.
- (*Safronova Ju. Nelegal'naya literatura dlya naroda: chitateľ' voobrazhaemy i real'nyu // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 156. P. 77—93.*)
- [Тисье 2017] — *Тисье М.* Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX — начало XX века) // «Синдром публичной немоты»: История и современные практики публичных дебатов в России / Под ред. Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 92—113.
- (*Tis'e M. Literatura pravovoy popularizatsii i upotreblenie yazyka (konets XIX — nachalo XX veka) // "Sindrom publichnoy nemoty": Istoriya i sovremennye praktiki publichnykh debatov v Rossii. Moscow, 2017. P. 92—113.*)
- [Фуко 1999] — *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999.
- (*Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Moscow, 1999. — In Russ.*)
- [Цивьян 1991] — *Цивьян Ю.Г.* Историческая рецепция кино: Кинематограф в России 1896—1930. Рига: Зинатне, 1991.
- (*Civ'jan Ju.G. Istoricheskaya retsepsiya kino: Kine-matograf v Rossii 1896—1930. Riga, 1991.*)
- [Acta Slavica Estonica 2013] — *Acta Slavica Estonica IV: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту: Тартуский университет, 2013.*
- (*Acta Slavica Estonica IV: Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. Vol. IX. Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskiy kanon / Ed. by A. Vdovin, R. Lejbov. Tartu, 2013.*)
- [Brooks 2003] — *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Illinois: Northwestern University Press, 2003.
- [Herlihy 2002] — *Herlihy P.* The Alcoholic Empire: Vodka & Politics in Late Imperial Russia. New York: Oxford University Press, 2002.
- [Kelly 2001] — *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- [Lindenmeyr 2012] — *Lindenmeyr A.* Building Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // The Journal of Modern History. 2012. Vol. 84. № 1. P. 1—39.